

© 2014 г.

Григорий Дончевский

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
директор Центра технологизации региональной и муниципальной деятельности
Высшей школы бизнеса Южного федерального университета
(e-mail: dongrin@yandex.ru)

ОБ АНТИКРИЗИСНОЙ ПРИРОДЕ СЕМЕЙНО-ТРУДОВОГО ХОЗЯЙСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА)

Статья представляет собой попытку описать семейное трудовое хозяйство как сильное средство противостояния социально-экономическим кризисам. В качестве фактологической базы для выявления модели антикризисного поведения семейного трудового хозяйства взяты материалы из истории российского крестьянства на протяжении последних трех столетий.

Ключевые слова: семейное трудовое хозяйство, крестьянский двор, фабрика, экономический кризис, модель.

Ущерб, наносимый обществу экономическими кризисами, достиг – нужно полагать – своего критического уровня¹. Это заставляет прибегать к поиску таких моделей деятельности², которые не только не генерируют кризисные волны, но еще и активно противостоят им.

Противоположность фабричной и семейно-трудовой моделей деятельности. Эпоха индустриализма, все еще владеющая и нашим массовым (в том числе – научным) сознанием, и нашим массовым поведением, в организационном отношении представляет собой строение, кирпичиками которого является фабрика. Фабричная модель экономической организации может описываться (и описывалась на деле) с разных точек зрения. Мы введем еще одно ее описание: описание, которое в силу своей очевидности не нуждается ни в каких специальных доказательствах, а в силу своих последствий является наиболее существенным, строеобразующим.

---

¹ МВФ оценил ущерб от финансового кризиса 2008 г. в \$1,3 трлн – см.: <http://www.vedomosti.ru/newslines/news/2008/09/24/658433>

² Marx W. Wartofsky. Models: Representation And The Scientific Understanding (Boston Studies In The Philosophy Of Science). – D. Reidel Publishing Company: Holland/Boston: USA, London: England, 1979.

Фабричный строй и лежащая в его основе фабрика есть такой способ организации, при котором труд человека принципиальным образом отделен от всех иных форм проявления человеческой жизни и, прежде всего, от семьи. Фабрика есть прямой антипод семьи. «...Разграничение работы и дома – это то, что мы приучили себя делать. Как и в поездках из дома на работу и с работы домой. До XX века¹ в таком разграничении не было необходимости», – пишет Дэниел Пинк². Нагляднее всего разделение проявляется в том, что семейный двор с его сложным внутрименовым и придомовым устройством замещается фабричным *баракком*, – местом, главным назначением которого является предотвращение любого труда (чтобы даже малые его крупицы не были отняты у фабрики). Какие бы формы в своем развитии барак не принимал: форму одноэтажного казарменного помещения с многоярусными нарами вдоль стен и проходом по середине, форму коммунальной либо изолированной квартиры в многоэтажном доме, форму целого «*спального* (вслушаемся в это слово!) района», – всегда и везде он выполнял свою главную функцию – функцию сбережения труда для фабрики.

Фабрика, вначале отринув семью как нечто ненужное³, затем вспомнила о ней и подчинила себе, но уже в качестве кармана, из которого должны оплачиваться производимые фабрикой продукты. Домохозяйство, некогда единое и цельное в своем семейно-трудовом облике, обратилось в домохозяйство как простую потребительскую силу. Орудием такого обращения стала выработанная фабричным строем система маркетинга. В доказательство сошлюсь на авторитет Джона Кеннета Гэлбрейта, который утверждает, что «вера в рыночную экономику, в которой покупатель независим, является одной из наиболее распространенных форм заблуждения. Никто ничего не сможет продать, если не будет управлять потребительским спросом и контролировать его»⁴.

¹ Эта датировка сильно не вяжется с заявлением Д. Пинка о том, что «большинство американцев начало жить в одном месте и зарабатывать себе на жизнь в другом только после «промышленной революции». – Пинк Дэниел. *Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки.* – М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. С. 177. На с. 185 он утверждает: «Индустриальная экономика разделила работу и семью».

² Там же. Книга Д. Пинка стала бестселлером в США, а знаменитый бизнес-журнал *Fast Company* включил идею о свободных агентах в число самых дерзких и многообещающих идей, опубликованных на страницах журнала за все 10 лет его существования.

³ Теоретическое это нашло свое отражение в трудах классиков политэкономии, начиная от А. Смита и заканчивая К. Марксом.

⁴ Джон Кеннет Гэлбрейт. *Экономика невинного обмана: правда нашего времени.* – М.: Изд-во «Европа», 2009. С. 30.

Механистический по своей природе индустриальный строй все сделал рельефным и «логичным»: на одной стороне сведенный к простой трудовой функции человек – рабочая сила на фабрике, а на противоположной – человек как машина для потребления продуктов той же фабрики. Его дети, его родители, его братья и сестры, его жена, его друзья и знакомые, его мысли и его эмоции – всего лишь связанные с ним элементы («шестеренки») той «потребительной силы», которая предназначена для обслуживания нужд производительной силы фабрики. Между двумя этими очищенными донага полюсами бесследно исчезли и смысл производства, и смысл потребления: производство ведется для самого производства (пусть даже если это производство ради производства прибавочной/добавленной стоимости), а потребление – во имя самого же потребления.

Из фабричной модели оказался выброшенным (за ненадобностью) сам естественный и тонкий регулятор всего человеческого: самая человеческая жизнь. Вот тому доказательство: в настоящее время американцы в среднем проводят в семь раз больше времени, делая покупки, нежели играя со своими детьми¹. Более 40% работающих американцев утверждают, что к концу дня чувствуют себя выжатыми, как лимон. 60% говорят, что хотели бы снизить темп жизни и жить менее напряженно².

Именно в этой, рожденной обесмысленностью производства и потребления бреши поселилось такое сугубо фабричное явление, как экономический кризис перепроизводства. Именно фабричная модель, в которой живой человек разодран на две его мертвые механические половины, породила и постоянно (причем, во все возрастающих размерах) подпитывает кризисные циклы.

В ряду первых открытых реакций науки на тотальное торжество фабричной модели оказались труды русских экономистов во главе с А. Чаяновым. В противовес фабричной модели они выдвинули модель *трудового семейного хозяйства*, доказывая как устойчивость, так и перспективность этого хозяйства в эпоху уже даже не пара, а электричества.

Основные черты модели трудового семейного хозяйства, по А. Чаянову, состоят в следующем:

1. Трудовая деятельность ведется всеми членами семьи, начиная с 13-летнего возраста, без привлечения (по крайней мере, на постоянной основе) наемной рабочей силы. При расчете *бюджета труда* глава семьи

¹ Де Грааф Джон. Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру / Джон де Грааф, Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор; – М.: Ультра Культура, 2003. С. 79.

² См.: Де Грааф Джон. Указ. соч. С. 78.

принимается за 1,00 (т.е. за полного работника); второе поколение, начиная с 18 лет, без различия пола принимается за 0,8 полного работника; хозяйка – за 0,8 полного работника, а дети, начиная с 13 лет, считаются равными 0,7 полного работника¹.

2. Целью семейного трудового хозяйства является «доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы»².

3. Конституирующим ядром семейного трудового хозяйства является ориентация на оптимизацию баланса труда между внутренними и внешними по отношению к хозяйству видами деятельности (для крестьянского хозяйства это баланс земледелие/промыслы); баланса средств производства для этих видов деятельности, а также баланса доходов/расходов от них.

4. Основной задачей организации труда в трудовом семейном хозяйстве является «полное использование трудовой активности семьи и устранение тягостного перегружения работой в известные периоды»³.

5. Если фабрика является жестко сколоченным аппаратом, то семейное хозяйство сохраняет способность к гибкому, широкому и глубокому маневру⁴.

6. Математически выверенным механизмом функционирования и развития трудового семейного хозяйства является *модель его трудо-потребительного баланса*, в соответствии с которым «... всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения по-

---

¹ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. С. 91. О более детальной половозрастной структуре бюджета труда крестьянского двора можно прочесть в работе В. Ленина «Развитие капитализма в России» – См.: Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 3. С. 235.

² Чайнов А.В. Указ соч. С. 62. Отметим, что, вопреки всем актуальным ныне идеологемам о рождении и расцвете социально ответственного бизнеса, о приобретении им миссионерского характера, Дж. Гэлбрейт – этот лучший знаток фактического положения дел – констатирует: «Корпоративная система, в основе которой лежит необузданная тяга к самообогащению, – это основополагающий факт двадцать первого столетия». – Джон Кеннет Гэлбрейт. Указ. соч. С. 48. Подчеркнем: вывод этот он сделал в 2004 году, а через четыре года, как из рога изобилия, посыпались факты, отлично его подтверждающие: позорно и скандально пали образчики, иконы капитализма, на которые молились во всех учебных аудиториях мира – Lehman Brothers, Fannie Mae, Freddie Mac, Bank of America Corp, Wells Fargo, Citigroup, JPMorgan Chase & Co, Goldman Sachs, Morgan Stanley, Bank of New York Mellon Corp...

³ Там же. С. 62–63.

⁴ Там же. С. 413.

требностей хозяйствующей семьи»¹. Чаянов иллюстрирует это положение следующим графиком (график №1), где по оси абсцисс отложены суммы ценностей (в руб.), создаваемые хозяйствующим субъектом в год; кривая АВ указывает степень тягостности приобретения предельного рубля; кривая CD изображает высоту предельной полезности этих рублей².

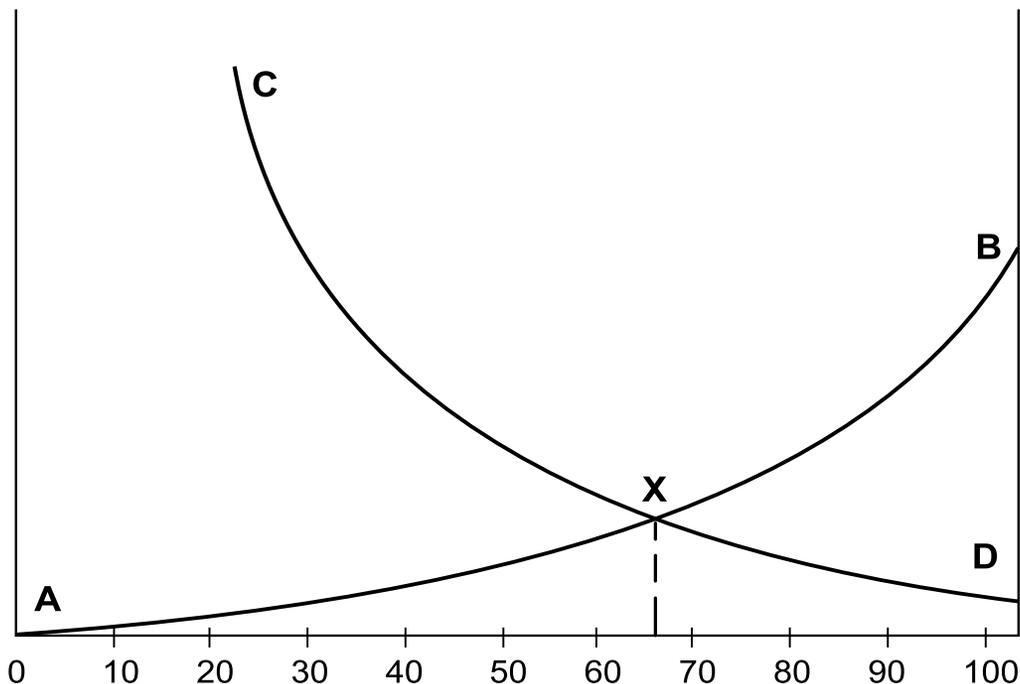

График №1

Идея семейно-трудовой теории, по словам самого А. Чаянова, является коренной чертой русской аграрно-экономической мысли и восходит к «Домострою» Сильвестра (XVI в.), в котором семья предстает как целостный хозяйственный организм в его экономическом, демографическом и социокультурном измерениях.

Антикризисная природа строя трудовых семейных хозяйств. Кратко описанная выше модель семейно-трудового хозяйства обладает выраженной антикризисной природой. Это существенное свойство обсуждаемой модели если не отчетливо осознавал, то интуитивно схватывал и сам А. Чаянов, когда писал: «Вообще говоря, влияние особенностей трудового крестьянского

¹ Там же. С. 71.

² Там же.

хозяйства... на природу и течение так называемых народнохозяйственных кризисов, представляет собою исключительно интересную тему для самостоятельного исследования, и в этой совершенно не изученной области исследователя могут ждать такие неожиданные открытия, которые могут заставить пересмотреть основные устои существующей теории»¹.

Подкрепим нашу главную для данной статьи гипотезу конкретными историческими фактами.

Начнем издалека. Золотая Орда в качестве одного из важнейших последствий своих завоевательных походов, а затем и владычества имела существенное снижение численности населения Руси. Вполне понятно, что это обстоятельство подрывало экономическую базу Орды. Для преодоления проблемы было принято решение сделать ставку на крестьянский трудовой двор (очаг, «дым»): подушная подать была заменена податью подымной. Результат не замедлил сказаться: численность русского населения вначале быстро восстановилась, а затем и серьезно увеличилась².

Продолжим эпохой Петровской России. Она характеризовалась масштабным изъятием из деревни огромных масс людей, направляемых государством на ведение русско-шведской войны, на постройку флота, на создание и функционирование казенных железоделательных заводов, на возведение каналов водных сообщений, наконец, на осуществление проекта по строительству Санкт-Петербурга. Однако крестьянское хозяйство, как отмечают исследователи, выдержало все эти вполне кризисные для него потрясения. «При самой разнообразной обеспеченности крестьян Подмонастырского ключа надельной землей (изучены данные писцовых и переписных книг по 90 хозяйствам. – Г. Д.) около 45% хозяйств в XVII в. имели резерв рабочих рук либо для возделывания вненадельной пашни, либо для приложения их в другом месте. ...

Именно благодаря имевшемуся во дворе резерву рабочей силы было возможно при сократившемся вдвое населении и мобилизации мужчин в наиболее активном рабочем возрасте сохранить основные показатели крестьянского хозяйства: число работников, величину надела, основные структурные типы и численность семьи. Этот же резерв позволил вотчиннику увеличить норму барщины, а государству провести мобилизацию в солдаты и в работники»³.

---

¹ Указ. соч. С. 412.

² См.: Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 15.

³ Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: Конец XVII – начало XVIII в. – М.: Наука, 1976. С. 101.

Е. Бакланова указывает на три основных элемента механизма кризисофобного реагирования крестьянской семьи. Первый – наращивание «консервативного поведения» семей, выразившееся в увеличении числа неразделенных семей в первой четверти XVIII века¹ (то есть в период слишком активных, неожиданных, нетрадиционных, а потому по своей сути кризисогенных действий Петра I). Второй элемент состоял в том, что «повышающаяся норма отработочной ренты обуславливала наиболее рациональный состав и численность семьи, вызывала существование крестьянской семьи с определенным числом работников»². Третий элемент заключался в том, что «нередко население работает и за пределами трудоспособного возраста, что, несомненно, было свойственно и крестьянскому хозяйству изучаемого периода, в котором ценность рабочих рук была очень велика»³.

В XX веке российское общество ожидали два мощнейших кризиса: Первая мировая война, а также Октябрьская революция, тесно сопряженная с гражданской войной. Во всех этих грандиозных кризисах семейно-трудовое хозяйство также отчетливо проявило свою кризисофобную природу.

Начнем с Первой мировой войны и призовем в свидетели выдающегося российского ученого Н. Кондратьева. Очень важно подчеркнуть, пишет этот исследователь, «что сокращение посевной площади идет особенно стремительно в частновладельческих хозяйствах. И отмеченная выше относительная устойчивость посевной площади за первые два года войны относится исключительно за счет крестьянских хозяйств»⁴. Та же картина наблюдается и в отношении сбора зерновых. «Подавляющая масса сбора хлебов, – пишет Н. Кондратьев, – падает за время войны на крестьянские хозяйства».

Явно преобладающая производительная сила семейно-трудовых (крестьянских хозяйств), продемонстрированная ими в годы Первой империалистической войны, отчетливо демонстрируется данными, приведенными в таблице 1.

---

¹ Там же. С. 102.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 41. Чуть ранее автор пишет: «Характер крестьянского хозяйства, условия его ведения предполагают занятость в нем почти всего наличного состава двора, за исключением малолетних детей». – Там же. С. 40.

⁴ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М.: Наука, 1991. – <http://istmat.info/node/25332>

Таблица 1

Распределение валового сбора хлебов (млн пуд) между владельческими и крестьянскими хозяйствами по губерниям Европейской России¹

Хлеба	Общий сбор	Крестьянские хозяйства	Владельческие хозяйства	Сбор крестьянских хозяйств, % к общему
Все 4 хлеба	3125,6	2688,5	437,1	86,0
Продовольственные	2043,0	1757,3	285,7	86,1
Кормовые	1082,6	931,2	151,4	86,1

Одних этих данных достаточно для того, чтобы подтвердить кризисофобный характер семейно-трудового хозяйства. Но, тем не менее, ставить на этом точку будет рано. Н.Д. Кондратьев подверг тщательному анализу крестьянские бюджеты двух типичных губерний: хлебопроизводящей Симбирской и хлебопотребляющей Московской, в результате чего пришел к ошеломляющему выводу: «...денежный расходный и доходный бюджет крестьянского хозяйства за время войны резко возрос»².

Размышляя над этими впечатляющими данными, не будем забывать, что в ходе войны из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин самого «тяглого» возраста. В результате более половины хозяйств остались без кормильцев³. Таким образом, рост крестьянских бюджетов, на который указывают данные собранные и обобщенные Н.Д. Кондратьевым, происходил на фоне резкого сокращения главной трудовой силы крестьянских хозяйств – мужчин призывного возраста (он был установлен тогда в пределах от 18 до 43 лет).

Таковы факты, которые со всей очевидностью формируют вывод: *кризисофобная природа трудового семейного хозяйства состоит в том, что в периоды кризисов это хозяйство не просто сохраняет свою устойчивость и не только не сокращает основные показатели своей деятельности (в нашем случае – площади посевов, сборы хлебов, доходы семейного бюджета), но еще и существенно улучшает их.*

Проведем рассматриваемую нами модель хозяйства еще и через горнило самой разрушительной из войн – братоубийственной Гражданской. Для этого обратимся к еще одному авторитетному источнику – к трудам В. Данилова, пожалуй, самого крупного специалиста по советской доколхозной деревне.

¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М.: Наука, 1991. – <http://istmat.info/node/25332>

² Там же.

³ См.: <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w02.htm>; Галкин В. Запретная политэкономия. Революция по-русски. – М.: Алгоритм, 2006. С. 343.

Именно восстановление и развитие многомиллионной массы крестьянских хозяйств стало, по мнению В. Данилова, той основой, на которой весь период 20-х годов происходил подъем сельскохозяйственного производства. К 1926 г. (то есть, менее чем через четыре года после окончания Гражданской войны) завершился процесс его восстановления¹. Посевные площади, сократившиеся к 1922 г. более чем на 27 млн га (на 25%), в 1926 г. превысили на 5,3 млн га уровень 1913 г. «Крестьянство, – пишет В. Данилов, – оказалось в состоянии не только восстановить свои собственные посеы и освоить бывшие помещичьи, но и поднять внушительный в совокупности массив новых земель»². Семейно-трудовое крестьянство давало прирост не только посевных площадей, но и показателей их продуктивности. «Урожайность зерновых к середине 20-х годов не только сравнялась с довоенным уровнем, но и несколько превысила его», – пишет В. Данилов.

Наконец, о самих валовых сборах зерна. В 1921 году страна получила хлеба в 2 раза меньше, чем в 1913 г. Но уже с 1922 года валовые сборы зерновых ежегодно возрастали приблизительно на 60–70 млн. ц и в 1925 г. превысили уровень 1909–1913 гг., а в 1926 г. и уровень 1913 г., когда был получен максимальный урожай дореволюционной России³.

Приведенные выше данные о кризисофобной мощи семейно-трудовой модели весьма убедительны. Однако их следует дополнить представлением о том, что все перечисленные выше процессы развития происходили в условиях, когда безвозвратные потери страны (пришедшиеся, главным образом, на ее крестьянскую часть) только от Первой мировой войны составили 2254369 человек⁴. Во время Гражданской войны погиб, по некоторым данным, каждый десятый, а 2 млн людей подались в эмиграцию⁵. Таким образом, рекордные во всех отношениях показатели развития обеспечивали не процветающие и даже не нормальные, а именно истощенные и обескровленные трудовые семейные хозяйства (крестьянские дворы).

Курс на сплошную коллективизацию, взятый в декабре 1929 г., привел к уничтожению семейно-трудового хозяйства как основы аграрного строя послереволюционной России (СССР). Вместе с этим был уничтожен сам фундамент и жизнеспособности и – в особенности – продуктивности сельскохозяйственного производства. Вместе с коллективизацией на село пришла фабричная модель деятельности в ее самой грубой, полукрепост-

---

¹ Там же. С. 279.

² См.: Там же. С.281.

³ Там же. С. 285.

⁴ См.: <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w02.htm>

⁵ Глазычев В.Л. Город без границ. С. 57.

нической форме (сельское население было превращено в полуграждан, для которых отсутствовала одна из основных гражданских свобод – свобода передвижения). Восполнить рухнувшую вслед за семейно-трудовой моделью эффективность аграрного производства не смогла и хлынувшая на село новая техника (трактора, комбайны, автомобили). Земля отказалась рожать. И страна из экспортера зерна вначале с трудом стала сводить свой зерновой баланс к нулю, а затем и вовсе превратилась в крупного импортера этого исконно российского продукта. Почти полвека спустя ученые, озадаченные феноменом падения производительности сельскохозяйственного труда при повышении уровня его механизации, обнаружили явление *эксергии*. На примере производства кукурузы они установили, что единица энергетических затрат дает следующее количество полезного эффекта:

Подсечно-огневое мотыжное земледелие в бассейне р. Конго 1:65

Возделывание кукурузы с применением удобрений в Нигерии 1:10,5

Возделывание кукурузы с применением удобрений и использованием машин на Филиппинах 1:5

Производство кукурузы в США 1:2–2,5

Следовательно, при движении от «примитивного» семейного к развитому индустриальному производству энергетическая эффективность снизилась почти в 30 раз. Одновременно, как известно, шло и усиление загрязнения среды сельскохозяйственным производством¹.

Новая экономическая политика 90-х годов минувшего столетия ввергла народ в бедствия, масштабы и последствия которого вполне сравнимы с теми, которые постигли Россию в начале XX века. Однако они сорвали все старые советские запреты с семейно-трудовой активности. И свершилось воистину чудо: казалось бы, навсегда похороненная под многими слоями большевистского террора трудовая семья вдруг дала буйные всходы. Волны мощнейшего социально-экономического кризиса оказали на нее оживляющее действие, отчетливо подчеркнули ее роль единственной надежды. И семейно-трудовое хозяйство вновь явило свою спасительную природу. Ученые, объединенные вокруг Центра крестьяноведения и аграрных реформ (его возглавили Теодор Шанин и В. Данилов), проведя целую серию исследований крестьянских семей и семейных бюджетов, пришли к выводу (О. Фадеева) о том, что потенциал самовывживания трудовых крестьянских семей «оказался достаточным для того, чтобы в условиях практически полного отсутствия государственной поддержки сельское хозяйство сохранилось как отрасль экономики».²

¹ См.: Simons. I. G. Natural resources and their management//Progr. Hum. Geogr., 1977. V. 1. № 2. P. 319 – 326

² Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – М.: МВШСЭН, 1999. С.34.

Таким образом, все описанные свойства и элементы кризисофобного механизма, взятые с точки зрения обобщающего результата его действия, ведут к тому, что для строя трудовых семейных хозяйств действует **закон возрастания производительной силы трудовых семейных хозяйств в период кризисных потрясений**. В данной статье действие антикризисной модели семейно-трудового хозяйства было продемонстрировано на материале крестьянских дворов. Вместе с тем описанная модель правомерна и для городских условий. Показать это – задача очередной статьи.
